

Руслан

Селяшкин

ДЖАМБУЛ ДЖАБАЕВ

Сверстник великого казахского поэта и просветителя Абая Кунанбаева, он дожил не только до Великой Октябрьской революции, но и до победоносного окончания Великой Отечественной войны.

Будучи неграмотным, Джамбул Джабаев слагал свои произведения устно, и творчество его стало связующей нитью между двумя эпохами в жизни казахского народа, стремительно прошедшего из патриархального строя в социалистическое общество. Эти перемены в народной жизни вдохновляли великого акына, его голос звучал вплоть до самой смерти. Слава акына распростерлась на весь Советский Союз. Стихи и сказы его звучали на бескрайних просторах нашей родины.

В конце февраля текущего 2021 года исполняется 175 лет со дня рождения великого акына. До своего столетия великий акын не дожил всего лишь несколько месяцев. «Человек-столетие» называл он себя.

Но каковым было его столетие? Что пришлось пережить ему, бросившему вызов всевластию баев, отказывавшемуся для них петь, в пятьдесят пять лет состарившемуся и практически одряхлевшему от горькой нужды и преследования царских властей, и воспрянувшему с приходом на его древнюю землю советской власти?

С ходу на эти вопросы не ответишь. Без малого век такой многогранной и уникальной личности, в одночасье также не осветишь. Попытаюсь отобразить то главное и определяющее, что и вывело сына бедного кочевника из малочисленного рода Шапрашты на долгий творческий путь служения народу. Путь, пройденный с высоко поднятой головой и завершенный в радости от того, что на родной земле его настало время расцвета и созидания.

О радостных чувствах, наполнивших оптимизмом новый Казахстан, Джамбул говорил в прозаическом сказе «Рождение жизни»:

«Мне девяносто четыре года, но... я молодым иду по родной земле. Там, где умирали мечты и песни скитальцев Коркыта и Асана-Кайгы, отдают народу свои дары моя Эмба и Караганда, Балхаш и Алтай, Арал и Каспий.

В степях Акмолы, где верблюды теряли тропы, мои сыновья-комсомольцы построили железную дорогу.

В безводных пустынях, где залетевший беркут умирал от жажды, народ прорыл арыки и пустил воду.

На солончаках, где прятались каракурты, народ посадил яблоневые сады.

На пустырях, где стояли дырявые юрты и холодные саманные зимовки, народ вознес светлые города и заводы.

Где стояли гнилые мечети и тюрьмы, народ выстроил мраморные дворцы и театры.

В иссохших долинах, где росла одна горькая полынь, как волны Балхаша, шумит колхозная пшеница, раскрывает золотые коробки хлопок и зреет рис.

В необъятных степях моего Казахстана множатся колхозные табуны. Кто сосчитает верблюдов в них, кто сосчитает баранов в них, кто сосчитает табуны крутошеих аргамаков, выращенных народом для своих джигитов?

Кто в мире сильнее и богаче моего народа?

Где в мире страна могучей и свободней, радостней моей Родины?»

Дина Нурпеисова, Джамбул и Куляш Байсеитова

В этом, как и во многих других созданных в традициях казахской устной поэзии сказах более позднего времени, умудренный огромным жизненным опытом Джамбул выступал с позиций человека, осознавшего величие и единство советского государства, развернувшего небывалое доселе строительство на его родной земле.

Расстался Джамбул с горькой судьбой,
Едет Джамбул в богатом седле,
Едет Джамбул по родной земле,
Едет Джамбул по родной стране
На сытом степном скакуне.
С почетом певца встречает аул:
«Пой свои звонкие песни, Джамбул!
В них молодость, сила и слава побед
За двадцать советских лет!»

Одной из его главных тем становится дружба народов как оплот советского государства. Говоря о Великой Октябрьской революции, он повествует о том, как с ее приходом казах и русский, узбек и уйгур, украинец и белорус нашли великую правду, благодаря которой в дружбе и живут в большой стране.

Советская власть, воспеваемая Джамбулом, открыла и лично для него, как гражданина, небывалые возможности. О том, каким он был в почтенном возрасте и как к нему относились в государстве, красноречиво рассказывал известнейший русский советский писатель, уроженец казахской земли Вс. Иванов в своем очерке 1938 года «Джамбул»: «Поезд подходит к сырому бурому перрону. <...> На подножке вагона – седобородый и седоусый старец. Лицо у него загорелое, с редкими морщинами, с той особенной крепкой сединой, которой всегда завидуешь. Старца ведут под руки, – не потому, что он слаб, а чтобы выразить ему почтение. На нем белый шелковый халат, пушистая рыжеватая шапка с зеленым бархатом. И белый халат и меховая пушистая шапка напоминают сразу солнечные степи, а в особенности белки окружающих Алма-Ату великих гор. Столпились они там, сверкающие, в синем, почти зеленоватом небе, и задумчиво, неподвижно смотрят в равнину. И так же задумчиво, неподвижно лицо Джамбула. Он идет по перрону. Вокруг него вспыхивают огоньки магния, танцуют фотографии, вглядываются репортеры. Дети, встречающие родителей, забывают про них. Какая-то мама, с заплаканным от радости лицом, целует дочку в щеку, – и одновременно и мать, и дочь шепчут: «Джамбул идет, Джамбул...» А лицо Джамбула по-прежнему неподвижно, он идет медленно, не глядя по сторонам, словно боится расплескать те песни, которые он несет в своей душе, – даже московские удалые репортеры и те растеряны, они не знают, как к нему и приступить. И медлительность и плавность этой походки – это, я бы сказал, величие сразу становится понятным, когда Джамбул бросает несколько слов. Эти несколько слов – о поэзии, о Москве. Как преображается и как сверкает это лицо, какая стремительность и сила в глазах! Так и слышится тот уверенный голос из его поэмы «Моя родина»:

...Девяносто лет стремена звенят.

Девяносто лет согнули меня.

Девяносто лет я берег коня,

Чтоб подъехать к новым дням...

Поэзия соединяет и пространство и время. Сулейман Стальский с Кавказа и Джамбул из Казахстана никак не разделены ни пространством, ни временем».

Однажды, в преддверии грозного военного лихолетья, говорил акын о том, как в Москве «встретил много батыров с золотыми звездами на груди». Наблюдая за ними, Джамбул позже провозгласит: «С такими может меряться силой только тот, кто ищет смерти. В этих сыновьях я вижу весь мой советский народ... Герои с золотыми звездами освободили наших братьев – западных белорусов и украинцев и выбили зубы белым собакам, оскалившимся на город Ленина».

Так пел Джамбул, будучи постоянным автором «Правды», депутатом Верховного Совета Казахской ССР и большим другом всесоюзного старосты М. И. Калинина, приезжавшего к нему гостем в 1940 году. Но мог ли он – рожденный на снегу во время кочевки у подножия гор, близ реки Чу, в пределах будущей Алматинской области, в нищете, среди бесправного, терпевшего крайние лишения казахского люда, пройдя трудный путь гонимого баями бродячего певца – представить себе до 1917 года, что станет всесоюзно известным поэтом? Мог ли он думать о том, что станет депутатом высшего законодательного органа родного Казахстана и будет бывать в Москве, выступать там в больших аудиториях? Задумывался ли он, что на закате дней своих станет духовной совестью многонационального народа, и его призывные, потрясающие своей жизнеутверждающей силой сло-

ва будут вдохновлять жителей блокадного Ленинграда, защитников Москвы, Сталинграда, Воронежа? Представлял ли он себе, что будет награжден высшей наградой – орденом Ленина – и удостоится Сталинской премии? А думал ли он, что будет искренне любим всем высшим руководством огромной страны во главе со Сталиным, которого акын безмерно уважал и воспевал? Конечно же, нет. Ведь был он человеком земным и звезд с неба не хватал. Но тем значимей, особенно в понимании с позиций дня сегодняшнего, тот гигантский скачок, который осуществил он вместе с казахским народом благодаря завоеваниям Великого Октября, вернувшего его к полноценной творческой жизни и сделавшего из него великого человека, гражданина.

«Когда мне исполнилось 70 лет, – говорил он, – я увидел светлую зарю новой жизни... Я услышал имя батыра Ленина и был свидетелем победного шествия Красной Армии. Вокруг меня закипела жизнь, о которой я пел в лучших своих песнях, как о золотом сне».

Большая часть жизни Джамбула пришлась на дореволюционное время. Стихи он начал слагать в пятнадцать лет. Тогда его заметил прославленный акын Суюмбаи, помогший юному стихотворцу встать на непростой путь народного певца. Но странствовал Джамбул с ним не долго. Ему не было и двадцати, когда он стал известен как самостоятельный акын.

К тридцати годам он уже определился и со своей идейной позицией. Он не пошел в услужение к крупным баям, упраскивавшим его остаться у них, обещавшим хорошо кормить, одаривать богатыми подарками, а взамен требуя прославлять их и участвовать от их имени в айтысах с акынами других родов. Джамбул не желал лицемерить. Не мог он представить себе того, что ради мнимого благополучия сможет оторваться от народа, взрастившего его и наградившего признанием. Так и становится он, в противовес певцам, состоявшим при байских родах, акыном народным, воспевающим все его тяготы и горести.

В своей автобиографии он так отзывался о своей народности: «Будучи бедняком, я хорошо понимал бедный народ. Правдиво я мог петь только о себе и о народе. Когда я пел о народе, я пел и о себе. Когда же я пел о себе, я одновременно пел и о народе. Поняв всем сердцем, что акыну нельзя фальшивить и лицемерить, стал петь своим голосом и только правду».

Из наследия великого акына, дошедшего до советского времени и красноречиво подтверждающего его мировоззренческую позицию, следует выделить стихотворение «Доля бедняка», в котором он повествует не только о бедственном положении бедноты, но и том, что страшная нищета лишает человека его достоинства, уродуя и характер.

Каратас, Узун-Агач
Калкабая слышат плач:
Просит хлеба на пикетах
У почтовых передач.
От куска не будешь сыт,
Отбирает голод стыд,
Босоногий и без шапки
На снегу голодный спит.
Как не сжалиться над ним?
Время черное, тугое!

Труд и пот, пролитый им,
Ничего в степях не стоит!

Но и в этих, казалось бы, мрачных стихах, беспощадно точно показывающих бедствие угнетенного народа, прорывается оптимистическая нотка:

Безвозмездно что дается?
Даже близкий и родной
Скажут: – Он еще добьется,
Он не старый – молодой!

Выступал Джамбул, подобно великому Абаю, с разоблачением степной администрации. Известны его послания «Шалтабаю», «Манке», «К Кали», «Старшине Мирзабекской волости», «При избрании Сата».

Одним же из наиболее ярких разоблачительных произведений была его сатирическая песня «Собака бая Кадырбая». В ней акын рассказывает о том, как во время путешествия по степи его истощенный конь упал от усталости. Когда же он ухаживал за конем, к нему подъехал джигит и сказал о том, что бай Кадырбай приказывает созвать акынов, чтобы они воспели его любимую издохшую собаку, а вместе с тем и достоинство самого бая, его знатность и добродетели. И вот происходит такой сбор акынов и жирши:

Пели жирши, Кадырбая хвалили,
Слезы они над собакою лили,
Вой разносили жирши по аулам,
Вспотели. Очередь за Джамбулом.

И акын говорит, что не продает себя и свои песни, презирая тех, кто ими торгует. Собаку же, честно охранявшую стада от волков, он противопоставляет хищническим деяниям бая, отнимавшего скот у народа. Собаке при этом он отдает явное предпочтение:

Собака неплохо степям послужила,
Радостью нашей она дорожила,
Она и под солнцем, и при луне
О нашем заботилась табуне.
А ты, ненавистный, с ханской сворой
Проходишь степями злодеем и воров,
Не дай тебе бог ничего, кроме блох,
Жить бы собаке, а ты бы подох!

В 1881 году, в айтысе со знаменитым приверженцем феодально-родовой знати Кулмамбетом, Джамбул выступает как человек, отчетливо представляющий себе, против кого он борется. Акын открыто заявляет, что он певец простого народа. Он не устает обличать степную аристократию, беззастенчиво грабящую своих соплеменников. Его же противник Кулмамбет презрительно обзывает акына «беспросветной голью», поносит род Джамбула.

Джамбул говорит ему о подлинной ценности человека, заключающейся не в богатстве и знатности, а в рабочем мастерстве, в трудолюбии, в широте взглядов, в знании мира:

Знают все: народ трудолюбивый мы.
Но и не бредим, как вы, наживой мы.
Все мы в ремеслах искусны, знаем все,
Видели степи, горы, заливы мы.

Внутриродовой замкнутости акын в том же айтысе противопоставляет широкие общественные связи города и степи, казахов и русских, возникавшие у бедняков казахских аулов с бедняками-переселенцами из России:

Русский с казахом дружен теперь,
Локоть к локтю идет он с ним,
Этот союз нужен теперь,
Это мы всем теперь объясним.

Состязаясь в 1902 году с акыном-муллой Досмагамбетом, Джамбул проявляет отчетливое понимание эксплуататорской роли духовенства. Сознает он и то, что народ, сплотившись воедино, становится грозной, могучей и непобедимой силой:

...Кипящий гневом, мой народ
Принялся держать совет.
Из него батыр придет!
Грязь на земле – рекой снесет,
Народа боль – горой сметет,
Все облака – грозой снесет,
Врага сметет живой народ!

Поэт-правдолюбец, защитник народных интересов, Джамбул всем сердцем не принимал царизм. Когда в 1913 году уездные власти вызвали в город Верный (ныне Алматы) известных степных акынов, чтобы они сложили песни в честь 300-летия дома Романовых, акын отказался это сделать. В 1916 году Джамбул поддержал восстание казахов против мобилизации на тыловые работы, сложив песню «Черный указ». Ею, фактически, по крайней мере из того, что известно исследователям творчества акына, заканчивается период его предреволюционной поэтично-песенной деятельности.

Под влиянием нужды и преследований со стороны властей, переживая о горестной судьбе народа, Джамбул начал заметно сдавать и стариться, как сам позднее говорил, «стал сутул, как старый беркут, глаза померкли и голос ослаб». Его окутывала скорбь и посещала мысль о скорой кончине.

Возрождение Джамбулу приносит Великий Октябрь. Он, как заново рожденный, начинает слагать стихи и песни в честь нового времени и нового человека. Причем он значительно опережал первых казахских письменных поэтов, только подступавших к художественному выражению современности.

Признанный народом мастер слова поднимает в своих произведениях актуальные, сложные вопросы. Так, например, он обращал внимание на так называемых бельсенди, выходцев из чуждых классов, стремившихся примазаться к революции и народной власти. Разоблачал Джамбул и пережитки прошлого. Но ключевым в его творчестве становится показ молодой советской действительности Казахстана.

Радость наполнила душу мою,
Весел и рад я, на той иду.
Эй, бедняки, укрепляйте же власть,
Ей и о ней я пою.

Этими словами из гимна «На торжество Казахстана» Джамбул призывал соотечественников быть активными строителями собственного государства, давшего народу свободу, землю, средства производства, социальную защиту и уверенность в собственных силах и возможностях.

Сочиняет Джамбул и произведения больших форм о тяжелом прошлом и прекрасном настоящем его народа («Бег времени», «Моя жизнь», «Моя родина»).

Восторгаясь новшествами, пришедшими с советской властью, Джамбул воспевал колхозное строительство и раскрепощение женщины, адресовал стихи школьной детворе, призывая ее ценить счастливые возможности, данные ей государством. Было у великого старца множество стихов о вождах революции и Москве, о сталинской конституции, о дружбе и братстве народов. Казахская национальная традиция – песни-назидания – получает своеобразное развитие в его стихах, вдохновленных новым временем и обогащенных достижениями советской литературы и русской классики, с которыми акына постоянно знакомили общавшиеся с ним поэты и прозаики.

Говорил Джамбул и о понимании им искусства:

Искусство – нежнее ребенка, певец,
Искусство – горение наших сердец,
Искусство – могучая сила батыра,
Искусство – чудесное детище мира,
Искусство свободно, как взлет соколиный,
Искусство прекрасно, как пруд лебединый,
И грациозно, как поступь оленя.
Оно упоительней всех наслаждений.

И даже самое изощренное мастерство – ничто, если оно не служит народным интересам:

Акын вдохновенный и славный лишь тот,
Чью песню лелеет и любит народ,
Чью песню лелеет страна,
Чью песню и подвиги любит она,
Величьем народных героев полна!
Бессмертное слово проходит в века...

Новый подъем творчества Джамбула пришелся на годы Великой Отечественной войны. Наиболее известное стихотворение того времени – «Ленинградцы, дети мои!», созданное им в дни, когда город Ленина оказался в кольце блокады. В нем Джамбул обращался к гражданам осажденного Ленинграда, к защитникам города, призывая их твердо стоять против врага и раскрывая перед ними картину общенародной битвы за великий город.

Это стихотворение аксакала глубоко тронуло сердца защитников города-героя. Тысячи благодарственных писем получил он в ответ от ленинградцев и граждан со всех концов Советского Союза. О том, какое оно имело значение для ленинградцев показано и в замечательной советской художественной киноэпопее «Блокада», снятой М. Ершовым по мотивам одноименного романа А. Чаковского.

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скользну, –
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,

Фонарей вечерних рои,
Золоченых крыш острия...
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя! <...>
Это в ваших стройных домах
Проблеск ленинских слов-лучей
Заиграл впервые впотьмах!
Это ваш, и больше ничей
Первый натиск его речей
И руки его первый взмах!
Ваших лучших станков дары
Киров к нам привез неспроста:
Мы родня вам с давней поры,
Ближе брата, ближе сестры
Ленинграду Алма-Ата.
Не случайно Балтийский флот,
Славный мужеством двух веков,
Делегации моряков
В Казахстан ежегодно шлет,
И недаром своих сынов
С юных лет на выучку мы
Шлем к Неве, к основе основ,
Где, мужая, зреют умы.
Что же слышит Джамбул теперь?
К вам в стальную ломится дверь,
Словно вечность проголодав, –
Обезумевший от потерь
Многоглавый жадный удав...
Сдохнет он у ваших застав!
Без зубов и без чешуи
Будет в корчах шипеть змея!
Будут снова петь соловьи,
Будет вольной наша семья,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Сердце его болело, но он продолжал, не делая никаких скидок на возраст, бить ненавистного врага своим словом. Неоднократно до советских граждан доносила его проникновенные стихи в то судьбоносное время и ленинская «Правда».

Великая Отечественная война навсегда отнимет у престарелого акына сына Алгадая, погибшего при освобождении Советской Украины. Великий Джамбул ответит на постигшее его горе песней скорби и гнева, отмщения и веры в победу, тожество которой ему суждено будет застать в последние недели своей жизни...

Советское государство достойно проводило Джамбула в последний путь. Скорбела по нему огромная страна, родной Казахстан, в расцвет и новый светлый день которого он беззаветно верил. Тогда в вечность уходил человек-символ, человек-легенда, познавший голод и нищету, байский деспотизм и бесправие, царскую антинародную политику и увидевший рассвет, привнесенный в его

жизнь на восьмом десятке лет Великим Октябрем... На собственном жизненном примере Джамбул и показывал своему народу то, какая участь его бы ждала, не приди советская власть во главе с «батыром Лениным».

Власть советская все сделала и для того, чтобы увековечить память о поэте и гражданине. Издавались его произведения, их пропагандировали и рекомендовали к изучению в школах и высших учебных заведениях. Именем акына была названа область, район, масса населенных пунктов, улиц, объектов народнохозяйственного и культурно-просветительского значения. Немало улиц, носящих имя великого сына казахского народа, появилось и в РСФСР, существуют они и в современной России. Были Джамбулу установлены и памятники. В доме в Алматинской области, где он жил с 1938 по 1945 год, был открыт мемориальный дом-музей. К счастью, все это культурное наследие продолжает жить. Были выпущены почтовые марки, конверты, эту эстафету перенял и сегодняшний Казахстан, продолжающий чтить память великого соотечественника. В 1953 году режиссером Е. Дзиганом по сценарию драматургов Н. Погодина и А. Тажибаева был снят художественный фильм «Джамбул».

Память о Джамбуле Джабаеве, и прежде всего в Казахстане, продолжает жить. Никак не повлияло на это и то, что в постсоветские годы предпринимались попытки поставить под сомнение само авторство Джамбула на созданные им произведения, которые, якобы писались переводчиками, прикрепленными к нему чуть ли не по прямому указанию Сталина. Чушь подобная, конечно же, отпала от великого имени. Подлинная правда оказалась сильнее низкопробного очернительства.

В капиталистической России имя Джамбула порядком подзабыто. Но это временное явление исторического беспамятства не сможет окончательно стереть память о нем из сознания большинства россиян. Тех, кто по-настоящему интересуется интернациональным культурным наследием страны Советов, с каждым годом только прибавляется.

Значит, и голосу Джамбула суждено по-прежнему звучать!

г. Симферополь

Семяшкин Руслан Владимирович родился в 1983 году в г. Симферополе. Окончил Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского по специальности «история» и Одесский региональный институт государственного управления. В настоящее время проживает в г. Симферополе Республики Крым РФ. Работает ведущим инженером отдела гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и пожарной безопасности Государственного унитарного предприятия Республики Крым «Черноморнефтегаз». Публицистические статьи и очерки печатались в газетах «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия», «Красная звезда». Автор очерков о Д. А. Кунаеве, Б. Тулегеновой и А. Нурпеисове. Лауреат премии «Слово к народу» газеты «Советская Россия».

